

Духовная сторона жизни и творчества Гоголя более полно предстаёт при исследовании взаимодействий идейно-эстетической системы писателя с художественными мирами продолжателей его традиций. Одним из наиболее близких классику по духу русских авторов, бесспорно, является Лесков — как и Гоголь, «истинный художник-христианин». Свою религиозно-нравственную позицию Лесков заявлял прямо и недвусмысленно: «я почитаю христианство как учение и знаю, что в нём спасение жизни, а всё остальное мне не нужно»¹.

Гоголевское художественное наследие было для Лескова живым вдохновляющим ориентиром. Начиная с ранней публицистики, он постоянно обращался к гоголевским темам, сюжетам, мотивам и образам. Во многом сходными у обоих писателей были принципы художественного изображения, концепция человека и мира. Родство талантов было подмечено уже современниками Лескова: «С Гоголем <...> меня часто сравнивали, — говорил писатель, — но не знаю, достоин ли я этого?» (XI, 385). В то же время он узнавал в Гоголе «родственную душу». Признаваясь в «страсти к Гоголю», Лесков говорил о своей непреходящей увлечённости личностью и творчеством великого классика: «Гоголь — моя давняя болезнь и замороженность». Оба художника слова имели общего небесного покровителя — святителя Николая Чудотворца, угодника Божия. Оба были томимы «духовной жаждою» и искали пути к её утолению. Оба духом припадали к животворному источнику — Евангелию.

«Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии»², — говорил Гоголь. Солидаризируясь с этой мыслью, Лесков развивал её: «В Евангелии есть всё, даже то, чего нет»³. «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие»⁴, — пророчески утверждал Гоголь, призывая к обновлению всего строя жизни на началах христианства. Лесков также постоянно говорил о «важности Евангелия», в котором «сокрыт глубочайший смысл жизни» (XI, 233). «Хорошо прочитанное Евангелие» помогло, по лесковскому признанию, окончательно уяснить, «где истина» (XI, 509). Как и Гоголь, Лесков горячо ратовал за восстановление «духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя» (X, 411).

Соотнесение эстетических миров обоих писателей не раз становилось предметом изучения в отечественном литературоведении и зарубежной славистике⁵, однако проблема по-прежнему нуждается в развёрнутом представлении и более глубоко уяснении. По справедливому суждению В.А. Воропаева, «гений Гоголя до сих пор остаётся неизвестным в желаемой полноте»⁶. То же относится к гению Лескова. Более того — лесковский мир не может быть адекватно понят вне связи с этико-эстетическими, религиозно-философскими исканиями Гоголя. Таким образом, в кругу плодотворных научных задач — исследование гоголевских традиций в лесковском творчестве сквозь призму религиозного мирозерцания двух авторов.

Рассказ Лескова «Путимец» (1883), идейно-ценностный центр которого — православная аксиология и антропология, художественно воссоздаёт облик молодого Гоголя, обнаруживая напряжённую внутреннюю жизнь будущего писателя, его пророческий дар, замечательную способность с первого взгляда постигать характер и саму сущность человека, воздействовать словом на самые глубокие струны человеческой души.

Художественный образ Гоголя как литературного персонажа соотносится с духовным обликом Гоголя как реальной личности. Лесковский текст предоставляет широкие возможности «сцепления» с литературно-публицистическим, эпистолярным гоголевским наследием, позволяет восстановить синхронный литературный контекст и его сокровенную сущность — контекст евангельский.

Несмотря на «апокрифичность», демонстративно подчёркнутую подзаголовком, в рассказе проявляется установка на достоверность как жанровый признак лесковских произведений. Сам автор, передавая сказание «из пятых уст», добивается художественного впечатления правдивости описываемых событий. В свидетельство их вероятности Лесков с кропотливой тщательностью воспроизводит цепочку достаточно надёжных источников устного предания. Исходное звено в этой цепи — родственник «малороссийского патриота и отчасти тоже немножко поэта — Черныша», «который был знаком и даже, кажется, дружен с Гоголем во время его студенчества в Нежинском лицее» (XI, 45).

По внутреннему убеждению автора, эта легенда «о гениальном юноше» вполне соответствует духовной сущности Гоголя, поэтому в «устном рассказе, касающемся юношества поэта», писатель ощущает «что-то живое, что-то во всяком случае как будто не целиком выдуманное», что «необходимо сберечь, хотя бы даже как басню, сочинённую о крупном человеке людьми, которые его любили» (XI, 45). В их кругу — несомненно, сам Лесков. Ему важно в рассказе о Гоголе прояснить собственную антропологическую концепцию, в основных чертах совпадающую с гоголевской. Суть её — новозаветное преображение человека и мира на путях ко Христу, сказавшему: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14: 6).

Именно евангельский контекст определяет семантику заглавия рассказа «Путимец» (как известно, Лесков придавал чрезвычайно значимое названиям своих творений; любил, чтобы «кличка была по шерсти»). Поэтика заглавия проявляет себя в тексте рассказа множеством семантико-стилистических оттенков. В то же время концепт «Путь» в его высоком новозаветном значении становится сверхсмыслом и идейно-художественной доминантой произведения. В подтексте «Путимца» задан христианский вектор: «И будет там большая дорога, и путь по ней назовётся путём святым <...> идущие этим путём, даже и неопытные, не заблудятся» (Ис. 35: 8). Это магистральное направление, указанное в Библии, отразилось и в русской фольклорно-поэтической традиции: «Призывай Бога на помощь, а святого Николая в путь», «За Богом пойдёшь, добрый путь найдёшь», «Нужный путь Бог правит», «Бог пути кажет».

Экспозиция рассказа представляет собой своего рода религиозно-философскую увертюру, предвещающую кульминацию — духовное обновление человека на пути к Богу.

Молодой Гоголь с первых страниц повествования — в пути — в прямом и метафорическом смысле. В этом плане он тоже «путимец». Образ вечного путника, каким видел себя писатель, хранит вся его переписка — от ранней юности до зрелости. Будучи юношей, в 1827 году он писал своему другу Г.И. Высоцкому: «в глубоком раздумье стоял я над дороною жизни, безмолвно обсматривая будущее»⁷. «От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду <...> совершилось всё это не без воли Божией» (7, 284-285), — признавался Гоголь двадцать лет спустя — в январе 1847 года — С.Т. Аксакову. «Вот уж скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступивший в свет юноша, пришёл в первый раз к

тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще» (7, 321), — писал Гоголь В.А. Жуковскому.

В лесковском рассказе дорожный спор двух друзей-попутчиков об особенностях человеческой природы, сокровенных глубинах души, в которой одинаково возможны и грехопадение, и духовно-нравственное восстановление, выполняет функцию проспекции, предваряя основные события. Гоголь горячо выступает в защиту русского человека, «русской удали», отрицает на-ционалистическую узость, не разделяет «крайностей малороссийской нетерпимости» (XI, 47) к «кацапам». Заведя беседу «о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и весёлом», герой рассказа восклицает: «великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь — и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. “Душа нараспашку...” Совсем другое!» (XI, 47).

В <Авторской исповеди> (1847) Гоголь подробно объяснял: для постижения русской природы, чтобы уяснить «себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши <...>, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще» (6, 416); «занятием моим стал <...> человек и душа человека вообще» (6, 418).

Стремление к познанию человеческой души привело Гоголя к самопознанию и Богопознанию: «О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнёшь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с Тем, Который один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познание души человеческой» (7, 323). Неизбежное следствие самопознания — самовоспитание: «узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей» (6, 304). Писатель указывает путь к уяснению сложных духовных вопросов: «Найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдёшь, тогда этим же ключом отопрёшь души всех»; необходимо «покрепче всматриваться в душу человека, зная, что в ней ключ всего» (6, 303-304).

Основополагающий «ключ всего» Гоголь нашёл в Боге: «Всё, где только выражалось познание людей, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустычника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришёл ко Христу, увидевши, что в Нём ключ к душе человека <выделено мной. — А.Н.-С.> и что ещё никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он» (6, 416-417). Исследуя и изображая жизнь, писатель «не совращался с своего пути» (6, 418) и закономерно «пришёл к Тому, Кто есть источник жизни <...>, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу» (6, 419).

Гоголь размышлял о действии Высшего Промысла в его писательской судьбе: «были такие обстоятельства, <...> которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека» (6, 427); «крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведён я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют её высшие степени и явления» (7, 324).

Важно подчеркнуть, что обострённое стремление разгадать человека владело Гоголем сызмала: «От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движеньях его» (6, 419); «жажда знать душу человека так томила меня постоянно от дней моей юности» (6, 427); «прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюдению внутреннему над человеком и над душой человеческой» (7, 323).

Историю раннего духовного и идейно-эстетического развития писателя подтверждает его эпистолярное наследие. Уже в первых письмах из Нежинской гимназии, адресованных «дражайшим папеньке и мамень-

ке», 15-летний Гоголь осознаёт себя взрослым и ответственным человеком: «Как будто бы ещё о сю пору я ещё ребёнок и ещё не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положить» (7, 28-29), — с укором обращался он к родителям, угадав их желание оградить сына от тревог. «Но как много ещё и от меня закрыто тайною и я с нетерпением желаю вздёрнуть таинственный покров» (7, 53), — писал он матери в первые дни пребывания в Петербурге.

Впоследствии автор «Ревизора» и «Мёртвых душ» в письме С.Т. Аксакову признавался: «внутренно я не изменялся в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатался и не колебался никогда во мнениях главных <...> шёл далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне <...> И теперь я могу сказать, что в существе своём всё тот же, хотя, может быть, избавился только от многого мешавшего мне на моём пути» (7, 239-240).

Таким образом, Лесков — автор «апокрифического рассказа о Гоголе» — нисколько не погрешил против истины, отмечая в личности своего юного героя черты прозорливого и вдумчивого «душеведа»-христианина.

В полемике со своим приятелем — «пылким малороссийским патриотом» (XI, 48), твердившем про «кацапское бесстыдство, попрошайство, лживость, божбу и прочее» (XI, 48), Гоголь настаивал, что «великоросс мог подать большие против малорусса надежды для успехов душевной, нравственной воспитанности» (XI, 48); выражал горячее убеждение в способности падшей человеческой природы к быстрому духовно-нравственному возрождению: «всё, что тебе ещё угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них всё-таки то дорого, что им всё дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь — как он уже и перекинется, — и пречудесный» (XI, 49). Будущий писатель, с жаром отстаивая свою позицию, будто прозревает близкую встречу в дороге именно с таким человеком, в судьбе которого подтвердится справедливость его суждений о возможности взлёта падшей души.

Дар предвидения, которым был наделён Гоголь, не укрылся ни от него самого, ни от окружающих. «К числу мечтательностей своих иногда желаю быть ясновидцем» (7, 33); «какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствие вошло в грудь мою» (7, 47); «тайное какое-то предчувствие мне предрекает» (7, 56), — делился он с родными в ранних письмах. Ещё в лице была замечена незаурядная проницательность Гоголя: «Говорили, что я умею не то что передразнить, но *угадать* человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей» (6, 412).

Дар духовного проникновения явил молодой Гоголь и в лесковском рассказе.

Случай к тому — важная составляющая концепции «сюрпризов и случайностей» русской жизни в творчестве Лескова — не замедлил. Гоголь и его спутник встретили хозяина постоянного двора. С виду благообразный старик сначала восхитил Гоголя своей русской красотой: «точно Гостомысл!» (XI, 53). На расспросы, откуда он родом, полуполюгендарный «Гостомысл» ответил односложно: «путимец» (XI, 54).

Это редкостное слово нельзя отыскать в словарях. Оно не встречается даже в авторитетнейшем источнике — «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. В то же время Лескову оно было хорошо известно: Путимец — название большого старинного села к югу от Орла. «В литературе меня считают орловцем», — не без гордости говорил писатель. И, думается, не случайно в этой связи в «апокрифическом рассказе» Лесков соединяет для себя самое заветное — свою малую Родину, Орловщину, и своего любимого русского классика. Писатель упоминает о живом интересе Гоголя к великорусскому, именно — орловскому — фольклору, образцы которого ему представляла в доме друзей «няня —

давняя знакомая Гоголя, орловка, понятливая, умная и с поэтическими замашками. Гоголь не раз выпрашивал у неё, чтобы она диктовала ему орловские прибаутки и песенки, и записывал их» (XI, 58).

Не удивительно, что необычное русское слово, услышанное в дороге, поразило чуткий слух Гоголя и «страсть как понравилось» ему. Будущий писатель, точно «смакуя», принялся его толковать, разбирая этимологию, вслушиваясь в звучание: «Путимец!» «Путимцы!» — повторял вполголоса, обращаясь к Чернышу, Гоголь. — Какие хорошие звуки! И как у них всё это кстати. Не намеренно, но кстати: человек «путимский», и вот он сел и сидит *при пути*, и кому надо этот путимец сейчас услужит вот так, как нам, а проезжим людям, которые в этом нуждаются, хорошо. При путях сидят «путимцы». Честное слово — это прекрасно!» (XI, 54-55).

«Не судите по наружности, но судите судом праведным», — учит заповедь. Так, почтенный вид Путимца обманчив. Он сидит не для услужения путникам «при пути», а наоборот — стоит поперёк пути, подобно архетипическому разбойнику с большой дороги. Этот тать предстаёт в модернизированном виде: пользуясь своим монопольным преимуществом держателя постоянного двора, он обирает путников, взимая баснословную плату за простые нужды, необходимые в дороге: например, утолить жажду. Истомлённые «огнепалящим» зноем друзья поначалу расценили встречу с «путимцем» как «неожиданную благодать». Однако, утолив жажду физическую — молоком, проданным втридорога «душевредным» «надувалою» (XI, 48), — Гоголь сильнее начал страдать от жажды духовной.

Мотив жажды: «Уста пересыягли, в груди томящая жажда, а руки нет силы поднять от усталости» (XI, 46), — обретает в контексте рассказа евангельское наполнение. Духовная жажда утоляется во Христе, в праведной жизни по Его заповедям: «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берёт воду жизни даром» (Отк. 22: 17); «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7: 37). Беседа у колодца с самарянкой, Иисус возвестил: «всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 13-14).

Гоголь невольно помогает «беспутному» Путимцу обрести этот верный путь, направляет на путь Истины. Подобно библейскому Иоанну Крестителю, он «готовит путь Господу», «делает прямыми пути» к Нему в окаменелой душе, сбившейся с праведного пути.

Учительная установка Гоголя-писателя — «выставить человека как следует», «чтобы он действительно был в урок и в поучение живущему» (6, 419) — в лесковском рассказе представлена в жизненной ситуации. Молодой Гоголь, удерживая своего попутчика от проявлений гнева в отношении učinённого над ними мошенничества, с миролюбивым видом сыграл на жадности «канальи»-хозяина: «у вас всех дешевле. Спасибо вам на этом, большое спасибо!» (XI, 56). Юноша решил проучить «нахального и жадного мужика» (XI, 60) таким образом, чтобы наказание пришло к нему через его же лихоимство. Из лукаво мудрствующего Путимца Гоголь задумал «такого дурня устроить, который сам себя высечет!» (XI, 56). (Заметим в скобках, что фразеологию «Ревизора», другие гоголевские афоризмы, доведённые до совершенства, Лесков воспроизводил в своём творчестве нередко; вереница персонажей Гоголя, выполняя определённые идейно-эстетические функции, органично вошла в лесковский художественный мир). «Апокрифичность» рассматриваемого рассказа позволила Лескову высказать следующее предположение: «И, Бог весть, не от сей ли поры, не с этой ли встречи с Путимцем пошли клубиться в общих очертаниях художественные облики, которые потом в зрелых произведениях Гоголя то сами себя секли, то сами над собою смеялись» (XI, 68).

Гоголь — герой лесковского рассказа — убеждён в том, что «никогда не нужно отчаиваться в раскаянии человека и не стоит самому ссориться и биться, а надо так сделать, чтобы человек сам себе получил вразумление от своего характера, чтобы он сам себя наказал за свою гадость» (XI, 57). Скрытая насмешка в назидание придорожному ловкачу должна возыметь благую цель — призвать «грешников к покаянию» (Лк. 5: 32): «А ты погоди — он покается. Ты увидишь, зачем я так сделал, — я сделал это для того, чтобы он покался» (XI, 57).

В то же время в «ничтожном событии», вначале воспринятом Гоголем «очень легко и даже весело, в существе заключалось для него нечто неприятное, нечто столь тяжелое, что он почти страдал от этого» (XI, 58). Даже день, проведённый в весёлой и радостной обстановке гостеприимного дома радушных и благочестивых хозяев, не смог заставить Гоголя забыть о случае в дороге. Оставшись ночью наедине с самим собой, юноша произвёл «строгий анализ над собственной душой» (6, 426), как делал впоследствии Гоголь в «Авторской исповеди».

Размышляя о встрече с Путимцем, он укорял себя за неосмотрительность: «мне его теперь уже даже и жалко становится, потому что я над ним чёрт знает какую штуку подстроил. Ужасную штуку!» (XI, 57); «Я был очень легкомыслен... я сделал дурное дело <...> я не обдумал и поддался дрянному искушению» (XI, 59); «Я мог над ним пошутить, но я устроил над ним слишком злую... слишком злую насмешку... а у насмешника всегда бывает дрянное сердце. Это мучительно!» (XI, 60).

Исповедальный мотив покаянного самоуглубления воспроизводится Лесковым в полном соответствии с «Авторской исповедью», проникнутой пафосом строгой самовысказательности Гоголя: «писатель-творец творит творенье своё в поученье людей. Требования от него слишком велики — и справедливо» (6, 428). Гоголь убеждён, что нет оправданий писателю, который «сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело» (6, 186).

Ведя непрестанную внутреннюю работу, Гоголь ощущал себя и субъектом, и объектом самонаблюдения. Он признавался, что «наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном ученье, но и в простом нравственном, глядя на себя самого как на школьника» (6, 417). Это духовное самообразование, согласно гоголевской исповеди, было предопределено «желанием совершенства, если сходил за тем Сын Божий, чтобы сказать нам всем: “Будьте совершенны так, как совершен Отец ваш Небесный”» (6, 417-418).

Заповедь Христа: «Будьте совершенны» (Мф. 5: 48) — вершина Нагорной проповеди — служила также главным религиозно-нравственным ориентиром для Лескова⁸, который адресовал всё своё творчество тем, «кто хочет совершен бытии» (XI, 555).

Указанному в Евангелии пути совершенствования нет конца, не поставлено никаких пределов. Поэтому писатель, одинаково считают Гоголь и Лесков, не вправе быть скорым на обвинения несовершенному человеку. «Бог Вам судья в этом деле, а не я»⁹, — говорит Лесков раскаявшейся грешнице в неоконченном рассказе «Дама с похорон Достоевского» (1890). Также размышляет и Гоголь: «Не мешало бы подумать <...>: “Не ошибаюсь ли я сам? Ведь я тоже человек. Дело здесь душевное. Душа человека — кладёзь, не для всех доступный иногда <...> Часто и наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрезывали уже мёртвый труп”» (6, 439).

Отсюда — осознание обоими писателями величайшей ответственности за непраздное, учительное слово в полном соответствии с поучением Христа: «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (12: 35-36). Слово, обладающее жизнестроительной силой, включается в евангельский контекст: «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1: 14). Сакральное Слово: «Вначале было Слово,

и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1) — соотносится с творящим словом вообще, которое есть дар Святого Духа: «Святый Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк. 12: 12).

Гоголь-писатель обострённо чувствовал священную сущность искусства слова: «чувствовал чутьём всей души моей, что оно должно быть свято <...> словесное поприще есть тоже служба» (7, 322). Юный Гоголь в рассказе Лескова также отдаёт себе отчёт в том, что слово имеет разительную силу, обладает действенной духовной энергетикой. Оно способно изменить устремления души и саму судьбу человека — как в истории с Путимцем, которая произвела на будущего писателя «сильное впечатление. Во-первых, его ужаснуло — как точно и как скоро исполнился в шутку им затеянный план, чтобы жадного вымогателя проучила чья-нибудь чужая суровая рука; а во-вторых — Гоголь во всём этом видел происшествие не случайное, а роковое откровение, и притом откровение, имеющие таинственную цель просветить его именно ум» (XI, 67-68).

«Просвещённый» Божественным откровением ум Гоголя впоследствии привёл его к основным писательским установкам: «Опасно шутить писателю со словом» (6, 188); «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними» (6, 187); «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку» (6, 187). Эти афористически выраженные христианские убеждения определили смысл главы IV «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пафос книги в целом: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще — слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздаётся гнилое слово о гнилых предметах» (6, 188)

Известно, что писатель много молился, виня себя самого в духовном несовершенстве. «Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с Богом за дело» (7, 324), — писал он накануне паломнической поездки по святым местам.

Юноша Гоголь — герой лесковского рассказа — всю ночь, не смыкая глаз, бодрствует и горячо молится. Художественный текст снова вызывает евангельские аллюзии — настойчивый, троекратный призыв Христа к Апостолам в Гефсиманском саду: «бодрствуйте со Мною»; «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26: 38, 41). В этой сцене Лесков рисует Гоголя «на коленях, со сложенными на груди руками, с низко упавшею на груди головою. Он молился... О ком: о себе, о Путимце, о России, которую он так чисто любил и так нежно защищал, меж тем как она “была черна неправдой чёрной” ...Но тогда тем более причин было о ней молиться...» (XI, 61).

Упоминание о том, что у Гоголя «несколько раз наворачивались на глаза слезы» (XI, 67), также соответствует подлинному внутреннему облику экзальтированного юноши. Впоследствии писатель делился с В.А. Жуковским: «ещё бывши в школе, чувствовал я временами расположение к весёлости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению (7, 322). О том же свидетельствуют гоголевские письма — лирические излияния — с их повышенной эмоциональностью: «Ещё с самых времён прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сделав блага» (7, 45-46); «верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, что никогда не унижался я в душе и что я всю жизнь свою обрёл благу» (7, 49) — писал из Нежина 18-летний лицеист.

Уже с юности Гоголь почти *неземной*: «душа моя хочет вырваться из тесной своей обители» (7, 32). Он жалуется на «существователей», кото-

рые «задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека» (7, 40-41). Ему чужда мысль, «как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире»; претят «мошенники», которые «дерут предорого и ни на грош не приносят пользы» (7, 53).

Примечательно письмо из Нежина от 1 марта 1828 г. Гоголь пишет матери, что претерпел «столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч.» и признаётся: «Всё выносил я без упреков, без роптания, никто не слышал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя <...>. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми <...> Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодарениями, потому что зло их мне обратилось в добро» (7, 48-49). Это подлинное глубокое выражение внутренней жизни молодого Гоголя созвучно мысли героя рассказа о том, «как один человек с добрым настроением способен принести добро другому, доказать ему безобидно его недостойнство и подвинуть его на лучшее» (XI, 61). В «Путимце» Лесков представил нравственный «урок», вероятно, подобный тем, которые получил юный Гоголь в действительности и которые научили его не устремляться «на *порщанье* действий другого, но на *созерцанье* самого себя»; привели к важнейшим писательским установкам; сформировали этико-эстетическую концепцию: «Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это *живые люди*, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные *народные* наши качества и свойства, <...> чтобы каждый почувствовал их в себе самом и загорелся бы желаньем развить и возделывать в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить всё, омрачающее благородство природы нашей» (7, 325).

Духом проникая в грядущее, предчувствуя будущее великое страдание Путимца, Гоголь преисполнен сострадания к заблудшему: «А может быть, он до сих пор уже что-нибудь претерпел» (XI, 60). В то же время, согласно антиномиям православной аскетики, в очистительном страдании — спасение: «о Путимце он всё-таки заключил, что он “непреренно раскается и хорошо кончит”» (XI, 67-68). Юноша-Гоголь сумел прозреть судьбу старика-Путимца: «он сам спасётся. Ты это помони» (XI, 60).

Могучее очистительное и просветительное действие гоголевского слова на Путимца — в христианском русле: «Слово Твоё — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118, 105) — в финале привело его на путь монашества, христианского подвижничества. Такое духовно-нравственное возрастание, на первый взгляд, представляется невероятным: делец, мошенник, разбойник с большой дороги становится монахом-аскетом. Вместе с тем здесь заключён закономерный итог, к которому ведёт внутренняя логика рассказа. Художественное воплощение получает лесковское убеждение в том, что «двойственность в человеке возможна, но глубочайшая “суть” его всё-таки там, где его лучшие симпатии» (XI, 523). Вслед за Тертуллианом Лесков любил повторять, что «душа по природе христианка» (XI, 456). Гоголь в предсмертных записях оставил «пасхальный» завет воскрешения «мёртвых душ»: «*Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк пре-лазай иначе есть тать и разбойник*»¹⁰.

Обратившись к Христу при косвенной помощи Гоголя, «тать и разбойник» Путимец духовно преобразуется в набожного, благочестивого и кроткого слугу Божьего. В полном соответствии с православной антропологией, когда и последнему грешнику не закрыта дорога к спасению, показаны полярности духовно-нравственного преображения человека. Вспоминая «Жития святых», Гоголь в рассказе Лескова восклицает: «Ка-

кие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник — завтра всё всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра польник и праведник...» (XI, 49). В уста главного героя рассказа вложен важный тезис христианской аксиологии: «Да, я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит! <...> Христос их любил. <...> людей грешных, да способных быстро всходить вверх, как тесто на опаре...» (XI, 49-50).

Нет сомнений, что уже в юности Гоголь глубоко знал Священное Писание, был хорошо знаком с христианской агиографией. В рассказе «Путимец» он советует своему националистически настроенному спутнику, имевшему любимую повесть о том, «как в Туле надули малороссийского паньча» (XI, 47): «читай книги божественные <...> Читай, что писано в «Житиях» о русских святых...» (XI, 49).

Неотразимой аргументацией в споре о великих возможностях духовной природы человека служит для Гоголя Евангелие. Оппонент будущего писателя, зная его привычку апеллировать к Священному Писанию и высокую компетентность в христианском учении, вынужден капитулировать: «Черныш только рукой махнул и сказал ему:

— Ну-ну, теперь «воссел еси, Господи, на апостоли твоя, яко на кони»» (XI, 50). Так, в Деяниях Апостолов сказано, как вступившие в спор с их учеником, «не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил» (Деяния. 6: 10).

Гоголь указывает на евангельские имена начальника мытарей, блудницы, слепого от рождения, которым дано было просветление в Иисусе Христе: «Закхей и Магдалина, слепец Вартимей... Над ними явлены чудеса!» (XI, 50).

Особенно вдохновляет героя лесковского рассказа история Вартимея, и не случайно. Христианская концепция мира и человека, определившая уникальное идейно-художественное своеобразие «Путимца» и в целом мировидение писателя, проецируется на эпизод Евангелия от Марка: «И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, *слепой сидел у дороги* <выделено мной. — А.Н.-С.>, прося *милостыни*»; «Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошёл за Иисусом по дороге» (Марк. 10: 46, 52). Мотив дороги, пути, следования за Христом звучит здесь особенно призывно.

Евангельскую метафору слепоты и прозрения Гоголь — герой Лескова — трактует следующим образом: «Только подумай, этот Вартимей... какая, по-твоему, была его слепота? Мне сдаётся — душевная. Чем он был слеп? — тем, что ничего не видали очи его помрачённого ума... И вдруг... одно только слово, одно «малое брение», плюновение на землю, и очи отверзлись... И как широко... как далеко взглянул он. Всё роздал — себе ничего не оставил. Чудо! и прекрасное чудо!.. Люблю это чудо, и люблю таких людей, с которыми оно творится» (XI, 50).

«Прекрасное чудо» восстановления Божьего образа в падшем человеке, сотворённое с Путимцем неисповедимыми путями Господними, через глубокое покаяние привело его на служение Богу и людям. Старик не ищет лёгких путей, к Господу ведут «узкие врата» и «узкий путь», в Царствие Божие «всякий усилием входит» (Лк. 16: 16). Для своего аскетического подвига герой выбрал не близлежащую обитель, хотя «Киев ближе, и монастырей там много», а «сошёл вдалёкий Нилов монастырь» на Столбной остров, что среди озера Селигера, потому что «тамошний святой очень нравился» (XI, 69). На взгляд Путимца, преподобный Нил Столобенский был всех «преподобнее».

Монастырь на Селигере вырос на месте отшельнического подвига преподобного Нила, Столобенского чудотворца. Святой старец поселился на пустынном острове Столобном в 1528 году. После пожара 1665 года, в котором сгорели дотла все постройки Ниловой пустыни, были

обнаружены нетленные мощи преподобного. Православный источник сообщает, что Нило-Столобенская пустынь «постепенно превратилась в одну из самых благолепных и посещаемых богомольцами обителей». Уже в XVIII веке она стала «едва ли не самым почитаемым монастырём во всём Верхневолжье. Братия монастыря прославилась в округе своим трудолюбием и богобо-язвенностью, а паломники особенно любили обитель за то, что здесь сохранился дух древних монастырей»¹¹.

Преподобный Нил, помимо отшельничества, принял на себя совершенно особый, уникальный подвижнический труд. Он никогда не позволял себе прилечь и даже присесть. Когда же совсем изнемогал, давал отдых ногам, опираясь подмышками на крюки, вбитые в стену кельи.

Являя «гениальное чутьё к Православию»¹², Лесков вплетает в художественную ткань своего рассказа агиографический источник: «писано, что никогда не спал, а только “мало отдыхал, облегаясь пазухами об острые крючья”»; «так верно в житиях писано: никогда не ложился, а только облегался пазухами об острые крючья <...> чтоб Богу угодить» (XI, 70).

Житийное предание о преподобном старце легло на благодатную почву. На пути духовного возрастания преображённый Путимец захотел потрудиться именно при таком святом и «в самой, какая возможно, чёрной работе. Просто сказать — он ныне там самые поганые ямы чистит» (XI, 70). Однако через своё покаянное, униженное служение герой достигает духовного первенства, «ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23: 12). Так, согласно евангельской заповеди, «последние» становятся «первыми» и «первые последними»: «кто хочет быть первым, будь для всех последним и всем слугою» (Марк. 9: 35).

В соответствии с православной антропологической концепцией «единства и цельности» Путимец становится на путь духовно-душевного «самособирания» человека в Боге. «Устремление человека к Богу не философский тезис, а реальная жизненная установка, род активности, — пишет С.С. Хоружий. — <...> Человек, устремляясь к Богу, должен выступать как единство и цельность уже в эмпирическом своём существе, в реальной духовно-душевной данности. Однако такие единство и цельность сами по себе отнюдь не обеспечены человеку. Их нужно достигать»¹³. Путимец «в старости своей достигает <...> облежаться пазухами» (XI, 70), следуя подвижническому житию преподобного Нила.

В финале рассказа Лесков соотносит судьбу Путимца с жизненным путём Гоголя: «Гоголь умер в молодом веке, а старый Путимец, пожалуй, позабыла считать годы и живёт» (XI, 69). Жертвенный путь, к которому невольно подвигло старика гоголевское слово, с ранних лет привлекал самого Гоголя: «даже в детстве, даже во время школьного учения <...> мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование» (6, 423). Религиозные искания на пути духовного освобождения в последние годы жизни писателя вызвали в нём острое «томление духа». «Тут все переболели сердцем, читая весть про душевные муки поэта, начавшиеся для него томлением, которое предшествовало и, может быть, частью вызвало “Переписку с друзьями”» (XI, 68), — пишет Лесков. Стезя великого русского писателя, обречшего себя «на нищенскую и скитающуюся жизнь», — это аскетический путь бесприютного странника. «Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь» (7, 158), — говорил Гоголь.

Мысль о монашестве не оставляла его: «Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живёт он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом» (7, 148). Это образное сравнение, подчёркивающее духовную высоту писательского труда, «художнически-монастырской работы», постепенно перерастает в убеждение: «нет выше удела на свете, как званье монаха» (7, 200). В письмах Гоголь признаётся, что больше годится «для монастыря, чем для жизни светской».

Укреплению православного идеала способствовало глубокое вхождение писателя в молитвенный духовный опыт, обращение к святоотеческому наследию. Так, Гоголь просил прислать ему в Рим «молитвенник самый пространней, где бы находились все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынноиками и мучениками»¹⁴. Писатель по-монашески «ке-лейно» штудировал труды святых отцов, делал выписки из богослужебных книг, создавал собственную духовную прозу.

Основательное знание и любовь к творениям отцов Церкви объединяет Лескова с Гоголем. Лесков, генетически связанный со священническим родом, считался одним из лучших знатоков церковной истории. Духовные образы глубоко укоренились в художественном сознании писателя, «с ранних лет жизни» имевшего «влечение к вопросам веры» (XI, 519), убеждённого в том, что «если есть Божья искра, она не потухнет» (XI, 300). Гоголь и Лесков при всей их творческой индивидуальности одинаково горячо ратовали за восстановление образа Божьего в «пошлом», «холодном, раздробленном, повседневном характере» человека, опутанного «всей страшной, потрясающей тиной мелочей». Задача плодотворная и сейчас, ибо «цели христианства вечны» (XI, 287).

На сохранившемся в Оптиной пустыни первом томе «Мертвых душ» (СПб., 1842) Гоголь отметил: «Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников»¹⁵. Именно такое «не кривое», а христиански прямое понимание души, созидательное «стремление к высшему идеалу» (X, 440), свойственное обоим русским классикам, нашло художественное воплощение в лесковском «апокрифическом рассказе о Гоголе» «Путимец».

1 Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956 — 1958. — Т. 11. — С. 340. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

2 Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подг. текстов и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 6. — С. 383.

3 Лесков Н.С. Новозаветные евреи (рассказы кстати) // Новь. — 1885. — Т. 1 — 2. — С. 72.

4 Рукописи Гоголя. Каталог / Сост. Проф. Г. Георгиевский и А. Ромодановская. — М., 1940. — С. 119.

5 См., например: *Edgerton William B. Leskov and Gogol. — American contribution to the ninth international congress of Slavists. — Kiev, September 1983. — New-York, 1983. — Vol. II. — P. 135 — 147.*

6 См.: *Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. — М.: Паломник, 2008.*

7 Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 7. — С. 35. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

8 См. об этом подробнее в монографии автора данной статьи: *Кретова (Новикова) А. А. «Будьте совершенны»: религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н.С. Лескова и его современников. — М.; Орёл, 1999.*

9 Цит. по: *Фаресов А.И. Н.С. Лесков в последние годы // Живописное обозрение. — 1895. — № 10. — 5 марта. — С. 184 — 186 // Конволют А.Г. Биснека. — С. 61. (Статья А.И. Фаресова содержится в конволюте А. Г. Биснека — из личной библиотеки А.Н. Лескова, хранящейся в отделе редкой книги Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева. Рукой сына Н.С. Лескова на первой странице в центре сделана запись: «Получено в дар от Андрея Густавовича Биснека 19 июля 1940 года. Андрей Лесков»; ниже — следующая запись: «Этот исключительной милоты и культуры человек погиб в блокаде Ленинграда от голода. Андрей Лесков»).*

10 Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подг. текстов и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 6. — С. 392.

11 Православные монастыри. Путешествие по святым местам. Нило-Столобенская пустынь. — 2009. — № 12. — С. 3, 6.

12 *Дурьилин С.Н. О религиозном творчестве Н.С. Лескова // Христианская мысль. — Киев, 1916. — № XI. — С. 77.*

13 *Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб.: Алетейя, 1994. — С. 297.*

14 Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. — М.; Л.: АН СССР, 1952. — Т. XII. — С. 156.

15 Цит. по: *Матвеев П. Гоголь в Оптиной пустыни // Русская старина. — 1903. — Т. 113. — № 2 (февраль). — С. 303.*